

переиздано учебное пособие, написанное К.Б.-М. Митуповым и Е.Е. Тармахановым «История Бурятии» для 9-11 классов. Последнее издание этого учебного пособия было в 2001 г. под редакцией Е.Е. Тармаханова и министра образования и науки республики С.Д. Намсараева. Члены кафедры часто выступают на курсах, на семинарах учителей истории, активно участвуют в проведении олимпиад школьников, научных конференций школьников по истории.

Кафедра истории Отечества имеет тесные научные связи с другими вузами, а именно с историческим факультетом Иркутского университета, научно-исследовательскими институтами Хакасии, Якутии, Тувинским педагогическим университетом, кафедрами истории Читинских вузов и институтом истории СО РАН, директором которого является доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор В.А. Ламин. Кафедра имеет тесные связи с кафедрами истории Бурятской сельскохозяйственной академии имени В.Р.Филиппова, Восточно-Сибирской академии культуры и искусства. Научные связи у кафедры существуют с институтом монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, директором которого является наш сотрудник, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор В.Б. Базаров.

Кафедра истории Отечества вместе с университетом и факультетом успешно прошла аттестацию на следующий пятилетний срок. Член лицензионной комиссии, декан исторического факультета Иркутского университета, профессор Е.И. Лиштованный провел тщательную проверку и пришел к выводу, что кафедра истории Отечества БГУ выполняет основную образовательную программу подготовки дипломированных специалистов по специальности 02.07.00 «История».

Желаем коллективу кафедры и всего факультета дальнейшего совершенствования учебного процесса, воспитательной работы студентов и повышения уровня научно-исследовательской работы в соответствии с требованиями классического университета и современной жизни.

Литература

1. Социалистическое строительство Бурятии за 10 лет. Экономический обзор и статистический справочник (1923-1932 гг.). – Верхнеудинск: Бургосиздат, 1933.
2. Калмыков С.В., Пыкин В.М. Бурятский педагогический институт. Ректоры. – Улан-Удэ, 1998.
3. Иркутский государственный университет. Ректоры, деканы, профессора (1918-1998 гг.). – Иркутск, 1998.
4. Осинский И.И. Альма-Матер. О Бурятском государственном педагогическом институте и университете. – Улан-Удэ, 1999.
5. Бальхаева И.Х. Формирование кадрового потенциала республики вузами Бурятии (1932-1986 гг.). – Улан-Удэ, 2001.
6. Батуаев И.А. О роли педагогического института в культурном строительстве Республики/В братской семье народов. – Улан-Удэ, 1974.
7. Батуев Б.Б. Развитие высшего и среднего специального образования Бурятии за 40 лет. – Улан-Удэ, 1964.
8. Бурятский государственный педагогический институт имени Доржи Банзарова (1932-1982 гг.). – Улан-Удэ, 1982.
9. Бурятский государственный университет. Краткий справочник. – Улан-Удэ, 1996.
10. Народное образование в Бурятской АССР. – Улан-Удэ, 1960.
11. Тармаханов Е.Е. Исторический факультет БГУ к 75-летию высшего образования в Республике/Вестник Бурятского университета. Серия 4. История. Вып.4. – Улан-Удэ, 2002.
12. Хабаев М.П. Очерки истории формирования высшего педагогического образования. – Улан-Удэ, 1983.

О.М. Карачакова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

К вопросу о реализации национально-языковой политики Советского государства в Хакасской автономной области (1930- 1990 гг.)

В статье рассматриваются проблемы функционирования хакасского языка в советский период и опасности его исчезновения.

О.М. Karachakova

**About Soviet State national language policy
in Khakass autonomous region (1930- 1990)**

The article is devoted to the problem of Khakass language functioning during Soviet period and the danger of its disappearing.

Язык является основным средством выражения и сохранения духовно-нравственного своеобразия этноса, его самосознания. По определению нации философа Р.Г. Абдулатипова, одним из ее важнейших элементов является единый язык, причем наличие именно своего, родного для данного этноса «должно рассматриваться и как императив, норма, так как его утрата неминуемо ведет к утрате культурной самобытности нации, а значит, в перспективе, и к размыванию ее этнической самоидентичности» (1).

Национальный язык, по мнению ряда исследователей, это в определенном смысле генерирующий признак национальной культуры. Именно в жизни языка, его развитии и функционировании в концентрированном виде воплощается национальная культура. Проблемы языковой политики содержат в «снятом виде» все ключевые моменты этнополитики. В рамках логического треугольника «язык-политика-этничность» решаются проблемы национальной политики (2).

Под языковой политикой понимают практику осуществления сознательного вмешательства в языковое развитие. Она включает в себя вопросы языкового строительства и языкового планирования, печати и школьного образования, а также подготовки педагогических кадров для национальных и русских школ (3).

Вопросы языковой политики СССР нашли широкое освещение в научной литературе. Однако для работ советского периода характерен чрезвычайно идеологизированный подход, вытекающий из убеждения в неизбежности слияния наций в единую общность - советский народ. Поэтому массовая смена языка обучения малыми нациями и народностями СССР на языки крупных наций рассматривалась как свидетельство о растущем взаимном доверии между всеми народами страны (4).

Со второй половины 1980-х гг. вопросы о языке, языковом общении народов страны,

двуязычии, значении и функциях государственного языка в многонациональном государстве, каким являлся СССР, были пересмотрены (5).

Исследователи признавали советский опыт языкового строительства уникальным, не имеющим аналогов в истории человечества. В 1920-30-е гг. свыше пятидесяти народов создали свою письменность. На многих ранее бесписьменных языках стала развиваться литература, организовано обучение на родном языке. Однако ученые отмечали и негативные моменты в реализации языковой политики советского периода, способствовавшие возникновению национального нигилизма в языковой сфере: 1) административно-командный метод управления национально-языковой жизнью страны в ущерб национальным традициям и потребностям; 2) насильственный перевод национальных школ на русский язык обучения (1938 г.); 3) действие сталинской установки на неизбежное отмирание национальных культур и языков, слияние наций; 4) существовавшее неравенство статусов республик, ограниченные возможности развития культуры и языка народов автономных образований по сравнению с условиями союзных республик; 5) репрессии против ряда народов, ликвидация их национальной государственности (6).

Крайне негативную оценку советская национально-языковая политика получила в ряде работ исследователей, представителей национальных автономий. По мнению А.Г. Авторханова, идеологический аппарат партии разработал комплексную программу денационализации наций СССР. Названа она была «расцвет и сближение наций», стержень программы - превратить русский язык в родной язык всех народов СССР как предварительное условие создания единой коммунистической нации. Были предусмотрены многообразные методы и каналы русификации, главными из которых автор называет школьную реформу 1958г., согласно которой изу-

чение родного языка и обучение на нем в школах считалось делом добровольным; и внедрение в словарный фонд национальных языков русской терминологии (7). Благодаря одностороннему благоприятствованию русскому языку со стороны советского режима он превратился из предмета преподавания в политический фактор. Русский язык служил средством давления на население, чтобы заставить его отказаться от школы на родном языке в пользу русской школы, считает татарстанский исследователь Т. Давлетшин (8). По мнению историка, изменение шрифта татарской письменности, также как и письменности других тюркских народов СССР, по планам Центра должно было служить русификации языков этих народов (9).

Большинство же исследователей полагает, что сужение сферы использования национальных языков было вызвано не только авторитаризмом, но и рядом объективных факторов. Индустриализация и культурная революция, подготовка специалистов средней и высшей квалификации в стране, где насчитывалось более ста народов, наталкивались на невидимый, но осязаемый барьер – языковые студенческие аудитории. Сама жизнь принуждала ввести в систему обучения язык межнационального общения, а поскольку в СССР языком науки был русский, то этот предмет не мог не стать обязательным в программах школ, средних и высших учебных заведений. Само по себе такое решение не было проявлением чьих-то шовинистических амбиций или поползновением к русификации (10).

Проблемам реализации языковой политики в Хакасии посвящены работы Т.Г. Боргояковой (21). Автор отмечает, что реализация политики унификации и русификации в бывшем СССР привела к противоречивым результатам. С одной стороны, заметные успехи были достигнуты в освоении русского языка всеми нерусскими народами страны, в развитии их родных языков и литератур. Однако достижение активного национально-русского билингвизма оказалось лишь вехой на пути к русскому монолингвизму в ущерб родному языку. Это, в свою очередь, привело к усилению этноидентификационных устремлений в национальных автономиях страны в начале 1990-х гг. Мнение о максимальной реализации потенциальных возможностей языка в процессе его функционирования в разных сферах общения при анализе «яко-

бы бурного развития хакасского литературного языка» нуждается в значительных коррективах, считает В.Г. Карпов (12). Проблемам функционирования хакасского языка посвящен и ряд работ философа Л.В. Анжигановой. В 60-х гг. сверху осуществлялось волевое усилие по снижению роли хакасского языка как «тормоза» включения хакасов в советскую и мировую цивилизацию. Потом как «вялотекущая болезнь» в 70-х гг. судьба языка волновала горстку энтузиастов от науки и образования. С середины 80-х гг. наблюдается понимание необходимости сохранения и возрождения хакасского языка, считает автор (13).

Первое десятилетие советской власти, по мнению большинства исследователей, было периодом наиболее последовательного проведения политики, ориентированной на формирование и развитие национальных нерусских языков и культур. В 1924г. на основе русской графики была создана хакасская письменность, в 1926г. в Москве были изданы первые учебники на хакасском языке, с 1927 г. на хакасском языке стала выходить газета «Хызыл аал». Однако с конца 1920-х гг. языки тюркских народов переводились на латинизированные алфавиты. Большую роль при выборе латиницы сыграли политические соображения. Выражалось опасение, что использование русской графики будет истолковано нерусскими народами как рецидив русификаторской политики (14). В 1929г. хакасская письменность так же была переведена на латинский алфавит. В документах 1933-1935 гг. (отчеты комитетов НА, резолюции разных совещаний и конференций) неизменно подчеркивалась его прогрессивная роль (15). В постановлении президиума Совета национальностей ЦИК СССР по докладу ВЦКНА от 16 июня 1935г. говорилось, что новый более доступный массам и «технически более совершенный» алфавит (переход на который в основном успешно завершён) явился одним из «серьезных факторов, содействующих быстрому подъему национального культурного строительства ранее отсталых народов Союза», ликвидации неграмотности, введению всеобщего, развитию печати и издательства и т.д. (16).

В первой половине 1930-х гг. в Хакасии продолжала проводиться политика коренизации, одной из задач которой был перевод делопроизводства в национальных и смешанных сельсоветах, районных и областных уч-

реждениях на родной язык коренного населения. Архивные материалы свидетельствуют о проведении многочисленных обследований, проверок по состоянию коренизации и перевода делопроизводства на хакасский язык (17).

С середины 1930-х гг. национально-языковая политика в СССР претерпела существенные изменения. В известной степени сигналом к этому послужило постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 13 марта 1938г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Собственно сам по себе текст постановления не содержал положений, ущемляющих местные языки. И, казалось бы, был направлен на формирование межэтнической интеграции, однако, его практическое применение открыло полувековой период ограничения сферы функционирования родных языков в образовании, следовательно, и во всех остальных сферах жизни. Одновременно с принятием этого постановления по всей стране развернулась кампания по переводу языков с латинской графики на русскую. Так, Постановлением №717 президиума Хакоблсполкома от 3 октября 1938г. хакасская письменность была переведена на русский алфавит. Мотивировалось это тем, что существующий латинизированный алфавит хакасской письменности не удовлетворяет быстрорастущему культурному запросу трудящихся хакасов, так как латинизированный алфавит трудно осваивается коренным населением, вводит путаницу при изучении хакасского языка, тем самым тормозит быстрое развитие культуры хакасского народа (18).

Для хакасского языка это означало уже третью смену орфографической системы на протяжении жизни одного поколения. Большое количество литературы на латинице, в том числе и учебной, научной, художественной, полностью выводилось из употребления, что нанесло существенный урон культуре и образованию.

Дальнейшее развитие хакасского языка было заторможено тем, что в 1930-е гг. многие представители хакасской интеллигенции, в том числе и создатели основ хакасского литературного языка, были репрессированы. Именно в эти годы в связи с обвинениями в национализме и репрессиями были посеяны семена страха и боязни «всего национального, вплоть до отказа от собственной национальной культуры и языка», что послужило

одной из причин появления и определенного распространения национального нигилизма (19).

С конца 1950-х гг. государство фактически отказывается от политики поддержки и выращивания национальных школ среднего и старшего уровня и переходит к политике свертывания национальной школы и русификации системы образования. Так, в мае 1955г. крайкомом КПСС совместно с Хакасским обкомом партии было проведено изучение работы национальных школ Хакасской автономной области. К работе привлекались научные сотрудники Абаканского педагогического института, ХакНИИЯЛИ, институтов усовершенствования учителей, работники обкома КПСС и ВЛКСМ, Красноярского крайоно и крайкома союза учителей. Инспектирующими было проверено более 20 школ Аскизского, Таштыпского, Ширинского, Усть-Абаканского и Алтайского районов. Проверкой было установлено:

«В школах ХАО обучается 51 746 детей, в том числе детей хакасов 7 247, из них: 3 319 обучается в русских школах на русском языке, остальные 3 948 чел. учатся в национальных школах, при этом в 1-4 классах на родном (хакасском) языке, в 5-7 классах – на хакасском и русском языках, в 8-10 классах все обучаются на русском языке.

В области нет таких национальных школ, где бы обучение в 5-7 классах велось только на родном языке, а во многих национальных школах учителя с согласия родителей в 5-7 классах преподают все предметы, кроме родного языка и родной литературы, на русском языке.

В ряде национальных школ работа ведется по учебному плану русской школы, в остальной части по учебному плану национальной школы, с заниженными требованиями по русскому языку и литературе, с уменьшенным количеством часов по ряду учебных дисциплин. Учащиеся национальных школ в большинстве не имеют качественных учебников, как оригинальных, так и переводных. Национальная школа не обеспечивает учащихся прочных знаний, поэтому выпускники семилетних школ испытывают серьезные затруднения при обучении в старших классах средних школ, в средних специальных, а затем и в высших учебных заведениях. Некоторые родители – хакасы, учитывая слабую подготовку в национальных школах, перево-

дят своих детей учиться в русские школы» (20).

Вместо разработок учебных программ для обучения на хакасском языке, повышения квалификации учителей обкомом было принято решение о переводе школьного обучения на русский язык, с соответствующей просьбой руководство области в мае 1955г. обратилось в крайком КПСС. В июне 1955г. секретарь Красноярского крайкома КПСС Н.Органов обратился в ЦК КПСС с просьбой разрешить перевести преподавание в пятых-седьмых классах национальных школ Хакасской автономной области на русский язык, а хакасский язык и литературу изучать в этих классах как предметы преподавания. Свою просьбу Красноярский крайком партии мотивировал тем, что современное состояние хакасского языка и наличие в нем диалектов не дает возможности нормально вести в старших классах семилетки преподавание на родном языке. С 1 сентября 1955г. преподавание учебных предметов в 5-7 классах семилетних и средних национальных школ ХАО было переведено с хакасского языка на русский (21).

Таким образом, основным языком обучения и предметом в национальных школах становился русский язык. Законом 1959г. в автономных республиках, областях, округах установлено ведение обучения на разных языках и родителям учащихся предоставлено право решать вопрос о выборе того или иного языка обучения (22).

К концу 50-х гг. в хакасских школах русский язык по количеству часов занимал ведущее положение и в сравнении с родным языком на него отводилось времени почти в два раза больше (23).

Результатом проводимой политики было уменьшение количества хакасов, считающих родным язык своей национальности. Так, в 1959г. доля хакасов, считающих родным язык своей национальности, составляла 86,0%, в 1970г. – 83,7%, в 1979г. – 80,9%, в 1989г. – по СССР – 76,1%, а по Хакасии – 83% (24).

В свою очередь удельный вес хакасов, считающих русский язык своим родным языком по СССР составил 23,6%, а по РСФСР – 23,1% (25).

В результате к н. 1990-х гг. в Хакасии сложилось тяжелое положение с национальными языками (26). Материалы переписи 1989 г. показывают, что около 24% всех хакасов, а из живущих в республике 17% не

знают своего языка. По другим языкам прослеживалась такая же ситуация: считают родным языком язык своей национальности только 45,8% украинцев, 34,9% белорусов, 43,2% мордвы, 50,6% чувашей, 38,1% немцев, 56,3% татар.

Хакасы в своей автономии оказались национальным меньшинством. Это одна из причин, сказавшихся на сужении функционирования хакасского языка. Фактически вся общественно-политическая, хозяйственная, культурная деятельность в области велась на русском языке. Следствием того, что хакасский язык перестал быть обязательным предметом изучения, как, например, русский и иностранные языки, стало то, что даже в сельских школах родной язык не преподавался. Подразумевалось, что родной язык дети хакасской национальности выучат и освоят дома, в семье. Но так как он практически не был востребован в общественной жизни, выросло поколение, не имеющее потребности в его знании и использовании.

Социологические исследования, проведенные в конце 1970-х гг. (27), показывают, что основным разговорным языком признавали родной язык только 12,5% хакасов, живущих в городах, а в смешанных и преимущественно русских селах соответственно 43,1 и 42,2%. Даже в хакасских населенных пунктах четверть населения преимущественно разговаривала по-русски (основным разговорным языком признали хакасский 75,2% хакасов). Материалы переписи 1989 г. свидетельствуют о том, что 81,7% сельского и 94,3% городского населения свободно владеют русским языком. К свободно не владеющим вторым языком относится самое старшее поколение хакасов, но оно язык понимает и может излагать свои мысли. Значит, всем хакасам присуще хакасско-русское двуязычие. То же можно сказать и о других народах, живущих в Хакасии.

Хакасский язык не использовался в сфере управления, судебно-правовой системе. В руководящих органах районов, городов, в хозяйственных учреждениях и других организациях фактически нет людей, которые могли бы вести деловое производство на хакасском языке. Основная масса руководителей – или представители некоренного населения, или хакасы, не знающие или плохо знающие язык своего народа, владеющие языком на бытовом уровне.

Одним из показателей витальности языка является использование языка молодым поколением. В 1990 г. в области только 68,3% ребят – хакасов изучали родной язык, а в Орджоникидзевском районе этот показатель составил лишь 18%, в Боградском – 22% и Ширинском – 42%²⁸. По данным архивных источников, в начале 1990-х гг. в области больше стало уделяться внимание развитию хакасского языка, фольклора, изучению истории. Газета «Ленин Чолы» перешла на пятиразовый выпуск, в школах Абакана были открыты классы для желающих изучать хакасский язык, при областном телевидении работала заочная школа для тех, кто желает знать азы хакасского языка. Готовился к выпуску хакаско-русский разговорник, в Абаканском педагогическом институте в 1990 г. состоялся первый выпуск преподавателей хакасского языка.

Однако, как отмечалось на пленуме областного комитета КПСС, содержание оставалось не на должном уровне, «так, преподавание хакасского языка в школах Абакана ведется на низком уровне, отсюда слабая заинтересованность детей и низкая посещаемость»²⁹.

В «Некоторых задачах педколлектив области по совершенствованию национально-русского двуязычия» предполагалось, начиная с 1991 года, ввести во всех общеобразовательных школах, ПТУ новый курс «Культура, литература и история родного края». В 1991 году планировалось охватить всех детей хакасской национальности обучением родному языку в сельской местности, а в 1992 – в городской местности; в 1992 году планировалось завершить подготовку и переработку учебников и методических пособий для изучения хакасского языка и литературы с учетом требований реформы школ»³⁰. Однако на начало 1992 – 1993 учебного года из 11650 учащихся хакасов изучали свой родной язык только 8061 человек, т.е. 69,2% от общего числа. В некоторых школах уроки родного языка носили формальный характер, так как ведение их было поручено учителям без специального образования.

Таким образом, к началу 1990-х гг. в Хакасской автономной области, как и в целом по стране, сложилась ситуация, угрожающая будущему многих национальных языков. Данное обстоятельство не могло не тревожить носителей этих языков, способствуя нарастанию скрытой конфликтности в обще-

стве. Представители различных общественно-политических сил и национальных движений ставили вопрос о необходимости выработки новой языковой политики, способствующей расширению социальных функций, языков титульных этносов.

Литература

1. Абдулатипов Р.Г. Авторитет разума (О философии разумной практики). – М.: Славянский диалог, 1999. – С.139.
2. Тошенко Ж.Т. Этнокрафия: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 371.
3. Губогло М.Н., Сафин Ф.Г. Принудительный лингвизм. Социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920-1930-е гг. – М.: ЦИМО, 2000. – С.45.
4. Там же.
5. Зеймаль Е.В. Народности и их языки при социализме // Коммунист. – 1988. - №15-16; Гаркавец А.Н. Принципы национальной политики и языкового строительства. – Алма-Ата, 1990. – 76с; Исаев М.И. Языки малочисленных народов СССР: проблемы функционирования и сохранения // Национально-языковые проблемы: СССР и зарубежные страны. – М., 1990. – С.89-92; Тадевосян Э.В. Что такое государственный язык? // Политическое образование. – 1989. - №5. – С.17-19; Туманян Э.Я. Национальный нигилизм и денационализация в языковой жизни народов СССР // Национально-языковые проблемы – С.104-107; и др.
6. Туманян Э.Я. Национальный нигилизм и денационализация в языковой жизни народов СССР // Национально- языковые проблемы.... – С.106.
7. Авторханов А.Г. Империя Кремля. – М.: Дина, 2001. – С.266.
8. Давлетшин Т. Советский Татарстан. Теория и практика ленинской национальной политики. – Казань: Изд-во «Жиен», 2005. – С.267.
9. Там же. – С.361.
10. Аллатов В.М. 150 языков и политика. 1917-1997гг. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: Институт востоковедения РАН, 1997. – 192с; Дьячков М.В. Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. – М.: ИНПО, 1996.- 116с; Губогло М.Н., Сафин Ф.Г. Принудительный лингвизм. Социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920-1930-е гг. – М.: ЦИМО, 2000. – 316с.
11. Боргоякова Т.Г. Миноритарные языки: проблемы сохранения и развития. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2001. – 160 с.; Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова, 2002. – 166 с.; Роль Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова в

сохранении и развитии хакасского языка // Ежегодник института саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Вып. 10. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2005.

12. Карлов В.Г. О языковой ситуации в Республике Хакасия // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках: материалы конференции. – М., 1994.

13. Анжиганова Л.В. Философия национального образования и родной язык // Ежегодник Института Саяно-Алтайской Тюркологии. – Абакан, 1997. – С.167.

14. Дьячков М.В. Миноритарные языки в полиэтнических (многонациональных) государствах. – М.: ИНПО, 1996. – С.73.

15. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-47, оп. 1, д. 3086, л.237-240.

16. ГАО. Ф. Р-47, оп. 1, д. 2046, л. 247.

17. ГАО. Ф.3, оп.3, д.326, л.151.

18. Отдел новейшей истории государственного архива Республики Хакасия (ОНИ ГАРХ). Ф.2, оп.1, д. 606, л.24.

19. Боргоякова Т.Г. Миноритарные языки: проблемы сохранения и развития. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова, 2001. – С. 60.

20. Этнокультурные взаимодействия в Сибири. Государственная политика (1920-1980-е го-

ды): Документы и материалы. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003. – С. 179.

21. Там же. – С.180.

22. Цыренова З.Е. Сохранение и развитие традиционной культуры коренных народов Восточной Сибири в годы советской власти (1920-конец 1980-х гг.) – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. – С. 71.

23. Там же.

24. Анжиганова О.П. О проблемах функционирования хакасского языка // Проблемы сохранения природы и культурно-исторического наследия Хакасии. – Абакан, 1994. – С.114.

25. Кышпанакоев В.А. Население Хакасии: 1917- 1990-е гг. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова, 1995. – С. 146.

26. Анжиганова О.П., Субракова О.В. О языковой ситуации в Республике Хакасия // Языковая ситуация в Российской Федерации. 1992 г. – М., 1992. – С.45.

27. Кривоногов В.П. Влияние национальной среды на языковые процессы у хакасов // Вопросы хакасского литературного языка. – Абакан, 1984. – С.161.

28. ОНИ ГАРХ, Ф.2, оп. 19, д.701, л.19.

29. Там же. – Л.21.

30. ОНИ ГАРХ, Ф.2, оп.19, д.523, л.42.

А.А. Куулар

аспирант Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан

Кооператив в Туве в 1920-1930 гг.

В статье рассматривается политика КПСС по кооперативному движению в Туве в 20-30-е гг.

A.A. Khuular

Cooperation movement in Tuva in 1920-1930.

The article is dedicated to the policy of the Communist Party of the Soviet Union on cooperation movement in Tuva in 1920-1930.

Тувинский центральный кооператив (ТЦК, Тувинценкооп) с момента его создания остро нуждался в квалифицированных кадрах. Знающих монгольскую письменность среди тувинцев было немного. В основном они находились в хурээ (монастырях). Поэтому Центросоюз СССР отправлял в распоряжение Тувинценкоопа следующих специалистов: инструкторов по торговле, закупкам и экспорту, экономистов, бухгалтеров. Кадровая помощь СССР позволяла упорядочить торгово-заготовительную деятельность ТЦК, в ка-

кой-то мере наладить бухгалтерский и оперативный учет, отчетность, контроль и анализ. Поэтому в 1920 – начале 1930-х гг. аппарат ТЦК целиком составляли либо выходцы из русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК), либо советники Центросоюза. Только председателем правления являлся тувинец. Аппарат управления ТЦК был небольшим.

В начале 1930-х гг. в нем насчитывается около 200 человек. Из них:

- с высшим образованием – 0,5 %;